

КАКИМ БУДЕТ МИР

АЛЕКСАНДР ДУГИН

**НОВАЯ
ФОРМУЛА
ПУТИНА**

**ОСНОВЫ
ЭТИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ**

Александр Дугин

**Новая формула Путина.
Основы этической политики**

«Алисторус»

2014

Дугин А. Г.

Новая формула Путина. Основы этической политики /
А. Г. Дугин — «Алисторус», 2014

В своей новой книге Александр Дугин – известный философ, политолог и социолог, лидер евразийского движения в России – рассуждает о политике Путина в связи с событиями на Украине. С одной стороны, считает автор, эта политика реализма, можно даже говорить о «новой формуле» Путина в решении сложных геополитических задач, которые стоят перед Россией. С другой стороны, «новая формула» путинской политики не должна мешать поддержке русского населения на Украине. Поддержка русских где бы то ни было обязана стать приоритетом российского государства, пишет А. Дугин. Таким образом, главная проблема, стоящая перед Владимиром Путиным: сумеет ли он сочетать это приоритетное направление с взвешенным подходом к украинским событиям?.. Отдельное внимание автор уделяет российской «пятой колонне» и её деятельности в связи с конфликтом на Украине.

Содержание

Атлантическая глобализация	6
Экономика и расизм международных отношений	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Дугин
Украинская трагедия и Россия.
Новая формула Путина?

© Дугин А. Г., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Атлантическая глобализация

Еще после подписания Версальского мирного договора в 1921 году была создана организация «Совет по внешней политике США» (CFR – Council on Foreign Relations), которую возглавил Исая Боумен и которая служила инструментом глобального геополитического анализа американцами их интересов. Она была построена на геополитических принципах и стала одной из самых центральных и влиятельных организаций. Существует до сих пор: CFR – «Совет по внешним отношениям». В значительной степени с этой организацией вошел в контакт Хэлфорд Маккиндер. Последнюю свою статью «Круглая планета и завоевание мира» он опубликовал в «Foreign Affairs» (foreign affairs – внешние вопросы. «Вопросы внешней политики» – это журнал, издаваемый CFR. Он до сих пор издается).

CFR – это американская экспертная структура, но изначально создается два дополнительных крыла CFR:

1. В лице «Chatham House» – Королевского Центра Стратегических Исследований в Лондоне, который также мыслит мир с точки зрения доминанции талассократической цивилизации. Америка после Первой мировой войны становится интеллектуальным центром. CFR – основной массив – расположен в США, и как бы его филиал – в Великобритании, имевший колоссальный имперский, британский размах, в том числе и аналитический, стратегический. Тот же Маккиндер – один из активистов этого направления, основатель Лондонской Школы Экономики.

2. И в тот же период создается институт Тихоокеанских исследований для исследования талассократической геополитики в Азии.

Таким образом, уже в 20-е годы формируется некоторая трехуровневая модель атлантической цивилизации, где существует в проекте три центра управления:

1. В США – CFR, Совет по внешним отношениям.

2. В Великобритании – «Chatham House» («Четем Хаус» – Королевский институт стратегических исследований).

3. И не получивший большого развития отдел Тихоокеанских исследований. Центр его был в Европе, потому что Япония в тот период была самостоятельной, Китай – полусамостоятельным.

Почему это для нас важно?

Потому что это были центры активного, сознательного, поэтому субъективного (осознающего свои стратегические интересы) стратегического планирования в геополитическом ключе на глобальном уровне. CFR становится базовым штабом атлантической интеграции: атлантической стратегии в интересах уже не только Соединенных Штатов Америки (обратите внимание), а в интересах глобальной атлантической цивилизации. То есть CFR задуман и как институт построения американской внешней политики, и как институт, отвечающий за интересы всей капиталистической западной цивилизации. Поэтому одна из задач, которую декларируют с самого начала участники CFR, – это создание мирового правительства. Обратите внимание: мирового правительства, уже не американского – под эгидой западных стратегических кругов и экономических кругов. Поскольку мы имеем дело с Карфагеном, то базовую роль здесь играют экономические корпорации, монополии, транснациональные корпорации и так далее.

И в ходе построения проекта мирового правительства идет районирование атлантического мира. Уже после Версаля это районирование довольно очевидно:

1. CFR США как представители этого мирового правительства внутри Америки. Многие американские консервативные, левые и даже правые круги критиковали CFR как проводящий политику не в национальных интересах США, а в интересах этого глобального мирового пра-

вительства, которое в определенных случаях идет против интересов США. Так, по крайней мере, звучала эта критика. Это один, американский, полюс глобального правительства.

2. Есть еще английский полюс, или европейский полюс, воплощенный в Королевском институте стратегических исследований (британском).

3. И уже тогда, после Первой мировой войны, создается набросок Тихоокеанского бюро. Бюро, которое будет выстраивать стратегическую модель атлантистского контроля в Тихоокеанской зоне.

После 45-го года, по результатам Второй мировой войны, США из одной из сил атлантизма становится базовым центром и форпостом атлантизма. Ситуацию для этого подготавливает победа стран Антанты в Первой Мировой войне. После Второй Мировой войны происходит шифт – перенос центра атлантистской цивилизации (талассократической) от Великобритании к США – и, соответственно, роль CFR как стратегического центра управления западной (талассократической) цивилизацией окончательно утверждается и подтверждается.

Но начинается этот процесс передачи глобальной имперской миссии от Великобритании, которая была оплотом талассократии в первой четверти еще XX века, к США раньше. Что стало фактом в эпоху «Холодной войны», когда США по результатам Второй мировой войны сделались главным центром талассократии. И когда последняя статья Маккиндера опубликована уже в американском журнале. Обратите внимание, что в 1905 году Маккиндер еще не знает точно, сомневается относительно того, к какой цивилизации причислить США: может быть, даже к континентальной. И последнюю свою стратегическую, программную статью он публикует в «Foreign Affairs» – в американском журнале.

В период Второй Мировой войны британскими специалистами из МИ-6 создается мощная структура ЦРУ – центрального разведывательного управления. И там, с участием представителей и аналитиков CFR, о которых мы говорили, и происходит некоторая фундаментальная концентрация британских разведчиков (геостратегов) и передача инициативы американской политике – вот этот геополитический шифт. Столица талассократии однозначно переносится из Лондона в Вашингтон. Общий обзор талассократии не меняется: это та же самая цивилизация моря, та же самая маккиндеровская карта, но столица переносится еще западнее: из Лондона в Вашингтон.

Что показательно? Что в политике после 45-го года начинается деколонизация, когда определенные страны, которые были колониями Англии (у нее больше всех было колоний), становятся независимыми и самостоятельными. Но они становятся независимыми и самостоятельными номинально. На самом деле и колониальная администрация сохраняет свои позиции в определении дальнейшего пути развития этих стран, а экономическим и военно-стратегическим образом они становятся базами и плацдармами уже американской новой системы. Там, где были английские колонии, оказываются военные американские базы. Практически по всему пространству бывшей британской империи происходит передача власти от Англии к США. Британия становится подсобной силой. Хотя в начале первой четверти XX века она была лидирующим центром атлантизма.

И что любопытно? Что на уровне геополитики этот процесс начинается гораздо раньше того момента, когда мы видим уже после Второй мировой войны как факт подъем глобальной мощи Соединенных Штатов Америки. Все начинается раньше на тридцать лет, в 20-е годы, а не в 50-е, когда образуется CFR как головная структура американского и, соответственно, талассократического, соответственно, капиталистического западного мирового управления.

После Второй Мировой войны мы имеем двуполярный мир, во главе которого стоит уже не Англия против России, а другая англосаксонская держава – США против СССР. Вот эта базовая структура отражается в политической идеологической карте мира после Второй Мировой войны.

Теперь, что же CFR? CFR становится все более и более влиятельной силой в самих Соединенных Штатах Америки. Очень интересно, что в 1974 году лидеры CFR, два главных интеллектуала (один – демократ, другой – республиканец), уже не раз упоминавшиеся нами в нашем курсе: Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер – крупнейшие геополитики и стратегические интеллектуалы (стратеги) США – организуют Трехстороннюю комиссию (Trilateral Commission). Которая представляет собой новое издание того проекта, который был после Версаля, где эта Трехсторонняя комиссия (Trilateral Commission) формируется из трех базовых модулей. Опять мы имеем дело с районированием талассократического пространства:

- Это США и CFR, потому что подавляющее большинство (90 %) этой Комиссии обеспечивают американцы (CFR), субъективно представленные Бжезинским, Киссинджером и Дэвидом Рокфеллером, в частности. Это некоторое ядро Трехсторонней комиссии.
- Создается Европейское отделение Трехсторонней комиссии.
- И японское. К тому времени Япония уже оккупирована США после 45-го года и постепенно становится плацдармом западных интересов в Тихоокеанском регионе.

Итак, США, Европа и Япония представляют собой три полюса, или три стороны этой Трехсторонней комиссии. Trilateral Commission: США, Европа и Япония.

Что это нам напоминает? Это напоминает ту изначальную инициативу, которая создавалась в первый момент после Версаля, когда CFR был создан. На месте английского уже выступает интегрированное европейское стратегическое пространство, но Королевский институт стратегических исследований («Четем Хаус») сохраняет свою позицию. Он-то и формирует основные кадры, хотя в эту Трехстороннюю комиссию уже включаются представители послевоенной Германии, Франции. Та намеченная инициатива Тихоокеанского региона воплощается уже однозначно в проамериканской (проНАТОвской), подчиненной, по сути, оккупированной американцами стратегически Японии.

Мы имеем дело с новым изданием геополитического районирования, где на глобальной карте мира можно выделить четыре зоны. Три из них интегрированы США и являются как бы переходными к мировому правительству, это:

1. Американская зона, которая находится более-менее под контролем Соединенных Штатов Америки, включая страны Центральной и Латинской Америки, поскольку влияние США в тот период (60—70-е годы) является доминирующим. Эти страны развивающиеся, слабые, зависимые. США здесь играет роль абсолютного лидера.
2. Европейское интегрированное пространство тоже под западной атлантистской эгидой.
3. И Тихоокеанские страны, которые идут западным курсом.

Три зоны, объединенные в структуру глобальной талассократии, – три талассократических пространства.

И четвертая зона, против которой направлена Трехсторонняя комиссия, – это страны социалистического лагеря: в первую очередь СССР, также коммунистический Китай.

Четырехуровневая (четыреполярная, квадриполярная) модель является базовой для этой Трехсторонней комиссии.

- При этом три пространства считаются талассократическими. Интегрируются под эгидой прообраза единого мирового правительства: западного, талассократического, капиталистического, американоцентристского.

- И одна зона из четырех – советская социалистическая – является исключенной.

Три включены, одна исключена. Три интегрированы, одна, наоборот, – подвергается окружению и давлению. Соответственно, это – стратегическая карта «Холодной войны». Где идет война: настоящая, полноценная, стратегическая война континентов. Великая война континентов между двумя типами цивилизаций: цивилизацией Карфагена и Рима, Спарты и Афин, капитализма и социализма уже в XX веке. Геополитика выражается (отливается) в эту идеологическую модель противостояния (идеологической борьбы) двух мировых систем.

Экономика и расизм международных отношений

Экономика представляет собой (что часто забывают) гуманитарную дисциплину, которая, как и другие гуманитарные дисциплины, является применением мыслей философов о структуре человеческого общества. Экономика получает самостоятельное направление в развитии лишь в Новое время, когда превращается в отдельную самостоятельную сферу социального интереса, потому что долгое время занятие хозяйством считалось подсобным, несамостоятельным предметом изучения.

Очень интересно само слово «экономика». Вводит его Аристотель и понимает дословно «домостроительство», «домострой». «Ойкос» – от слова «дом» и «номос» – это «закон».

Экономика – это способ ведения хозяйства, и представляет собой форму определенной организации человеком своего близлежащего бытия. Поэтому, поскольку древние считали, что космос – это большое государство (государство – это малый космос), то ведение хозяйства (домохозяйства) – это как бы государство в миниатюре, а государство есть космос в миниатюре. Поэтому отсюда вытекала упорядочивающая священная структура экономики: экономика как сакральное явление. Отсюда космическое измерение экономики. Это очень хорошо показывает Сергей Булгаков (русский философ) в «Философии хозяйства». Экономика – это, по сути дела, организация космоса. Аристотель понимал термин «экономика» именно таким образом. И экономике он противопоставлял совершенно другое направление – оно называлось харизматика, то есть занятие материальной деятельностью во имя материальных целей. Вот эта харизматика считалась Аристотелем недостойным занятием, которое свойственно наиболее грязным отщепенцам человеческого рода.

То, что мы понимаем под «экономикой» (организация материального производства в целях извлечения материальной выгоды), – это харизматика (по Аристотелю), и это является вещью абсолютно недостойной. Точно так же, как, кстати, понятие «демократия». Аристотель считал демократию худшим из политических режимов. Занятие материальным производством во имя извлечения материальной выгоды и организация самоуправления без всяких духовных и сакральных целей – это является, по Аристотелю, наихудшим аспектом социальной практики.

Занятие материальной деятельностью ради извлечения материальной прибыли, с точки зрения аристократической греческой мысли, – занятие недостойное. Поэтому в отдельное направление эта область и не выносилась. Она стала выноситься в тот период, когда начались материалистические демократические тенденции, – в Эпоху модерна.

Второе. Основатель экономического учения Адам Смит был последователем философа Локка – индивидуалиста, теоретика как раз такой, мягкой версии образовательного общества, основанного на индивидуализме и либерализме. Для Адама Смита вся его теория о богатстве нации была не чем иным, как применением принципов индивидуализма Джона Локка к сфере организации хозяйственной деятельности. Это тоже имело прикладной характер. Но значение экономики постепенно, начиная с XVIII века, стало неуклонно расти и, поскольку само общество становилось все более и более материальным, все более и более заниженным, все более и более приземленным, то и росло параллельно с этим значение экономики.

И вот экономика как специфическое направление приобрела самостоятельное значение и стала объектом отдельной дисциплины. Поэтому эта наука, которая, по сути дела, занимается харизматикой (по Аристотелю), ставит перед собой задачу вычисления максимализации прибыли, материальной организации общества, и получает самостоятельность в Новое время.

Теперь помещаем эту экономику Нового времени в парадигмы международных отношений, которые мы разбирали. Что мы имеем в реализме?

Реалистская парадигма утверждает, что экономика является важнейшей формой организации материального обеспечения внутри государства. Эта теория получила название «мер-

кантилизм», и речь в ней идет о том, что развитие свободного рынка ограничивается интересами национального государства, то есть рынок в рамках государства, а монополия на внешнюю торговлю является приоритетом исключительно государства.

- Внешней торговлей заведует государство.
- Внутренней – частный сектор.

Это получило название меркантилизма.

Таким образом, государство становится экономическим актором в двух смыслах.

• С одной стороны, по отношению к своему внутреннему рынку государство выступает регулятором, но не главным хозяйствующим субъектом.

• А по отношению к внешнему рынку – уже хозяйствующим субъектом, потому что выступает от имени всего совокупного экономического потенциала данного государства перед лицом другого.

В реализме международных отношений это является нормативом. Это означает, что торговля или экономика есть национальное явление. То есть, государство выступает актором в экономических отношениях с другими государствами, в то время как внутри государства преобладают (доминируют) частнособственнические отношения либо какие-то другие. Для нас это не принципиально, поскольку реализм может быть применен как к буржуазным государствам, где эта теория и возникла, поэтому нормативной считается капиталистическая экономика, так и к небуржуазным государствам, в том числе социалистическим, монархическим или теократическим. В любом случае, реализм рассматривает ситуацию таким образом, что нормативным актором международных отношений в сфере экономики является государство. Без этой инстанции никто не имеет выхода на внешний рынок. Это парадигма, называемая парадигмой меркантилизма в экономических учениях, точно соответствует реалистскому подходу к тому, как обстоит дело в экономике.

Если мы рассмотрим эту модель реализма применительно к экономике, то мы получим простую картину, как видит реалист в международных отношениях саму систему международных отношений в экономике. Там, где есть экономические интересы какого-то государства, это государство выступает актором.

• Не хватает для развития внутреннего рынка, например, ресурсов – значит, государство озабочено тем, чтобы эти ресурсы приобрести.

• Не хватает, например, каких-то трудовых ресурсов – тогда государство должно обеспечить аннексию, колонизацию других территорий и так далее для того, чтобы эти редкие или недостающие ресурсы объединить.

Иными словами, главным актором экономики во внешнем транснациональном контексте является государство. Оно как раз, движимое национальными экономическими интересами, обеспечивает условия для обеспечения своих материальных потребностей. Отсюда большая роль в экономике сектора обороны, поскольку оборона является главной задачей реализма. Соответственно, экономика приобретает характер, связанный (сопряженный) с обеспечением национальной безопасности. Отсюда – госзаказ в военной сфере или, по крайней мере, патронирование со стороны государства тех отраслей, тех производственных областей, которые связаны с обеспечением безопасности: либо имеют государственный характер, либо ведут тесное сотрудничество с государственным сектором. Вот меркантилистская модель отношения к экономике.

При этом должна ли развиваться международная торговля с точки зрения реалистов? Да, должна. Но никогда не таким образом, чтобы развитие торговых отношений в международной сфере привело бы (приводило бы) к ослаблению национальных интересов государства. Это принцип реализма в экономике.

Переходим к либерализму. Либерализм в международных отношениях применительно к экономике исходит из радикально иной парадигмы, согласно которой открытое торговое обще-

ство (это главный принцип Адама Смита) приводит к более быстрому развитию, чем закрытое. По сути дела, сама идея о богатстве наций Адама Смита была направлена против меркантилистской парадигмы. Поэтому либералы в международных отношениях тесно связаны с либералами в экономике. Здесь доминирует такой принцип: развитие рынка не должно ограничиваться национальными интересами. Значит, акторами международной торговли в международной экономике может быть не только государство через государство, но и компания через компанию: отдельный экономический актор внутри государства с другим экономическим актором в другом государстве.

С точки зрения принципа «Невидимой руки рынка», такое освобождение от национального контроля государств дает наибольший успех и наибольший эффект в развитии экономики. Адам Смит говорил, что государство в обоих своих смыслах является препятствием развитию рынка. С одной стороны, выступая как регулятор, оно имеет тенденцию самому становиться участником экономического процесса. А это делает процесс более громоздким в случае совмещения политических и экономических функций в лице одного и того же игрока – государства – создает неравные условия для развития экономического потенциала.

Соответственно, отсюда предложение государству максимальным образом отойти от экономической сферы – это догма либерализма.

И второе: государство должно отказаться от монополии на внешнюю торговлю и занятия экономикой во внешней международной среде и позволить внутригосударственным экономическим акторам: корпорациям, компаниям, трестам и фирмам – заниматься развитием торговых отношений с другими фирмами, корпорациями, трестами другого государства.

Это отношение к экономике как к открытому рынку, к расширению зоны рынка тесно связано с идеей либералов в международных отношениях, что демократии друг с другом не воюют, но торгуют. Вот это «Make trade, not war» («Занимайтесь торговлей, а не войной»), фритредерство (свободная торговля – синоним либерализма) – это принцип либералов в международных отношениях.

Если реалисты считают, что одним из наиболее вероятных способов выяснения проблем между государствами в сфере международных отношений являются военные столкновения, то либералы в международных отношениях говорят: «Торговля создает такое переплетение взаимных экономических интересов, которое минимализирует риск войны». «Конечно», – им отвечают реалисты. Тем не менее периодически торговые войны и торговые противоречия приводят к реальным войнам. Да, это так. Но либералы настаивают, что чем больше будет открытым рынок, чем меньше будет государство влиять на рынок внутри самого себя и в международных отношениях, тем быстрее будет распространяться всеобщий рост благосостояния и той страны, которая находится с одной стороны границы, и другой страны, которая находится с другой стороны границы.

Таким образом, глобализация международной торговли является путем к миру с точки зрения либералов международных отношений. Отсюда меняется отношение к экономике.

- Реалисты мыслят в категориях национальных экономик, и здесь внутренний валовой продукт (ВВП) приобретает принципиальное значение (скорость его роста).

- А либералы в международных отношениях говорят о макроэкономическом росте всех участников глобализирующегося открытого рынка, который, с их точки зрения, и приводит к оптимальному перераспределению ресурсов, и к оптимизации производства, и дает максимальный эффект.

Третья позитивистская парадигма – марксизм. Марксизм ставит экономику во главу угла, но рассматривает ее как антагонистическое поле противостояния буржуазного класса и пролетарского класса. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией является объяснением структуры международных отношений, она транснациональна по определению и фиксируется

на том, что существует глобальный капитал и глобальный пролетариат, которые находятся между собой в глобальной борьбе как в национальном, так в интернациональном срезе.

Экономикой в классическом марксизме объясняется политика. Классический марксизм утверждает, что существует базис и надстройка. В базисе находится экономика, в надстройке находится политика, культура и все остальное. Поскольку экономика мыслится марксистами как классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией, соответственно, эти противоречия, которые находятся внутри базиса, проецируются в политику и предопределяют политические процессы в международных отношениях точно так же, как и во внутренней политике. Здесь снова для марксистов не имеет значения, рассматриваем мы вопрос в национальном ключе (как реалисты) или в интернациональном (как либералы). Важно, что существуют глобальные антагонистические противоречия, и экономика является базовой формой борьбы.

Экономика стоит в центре внимания неомарксистов, поэтому как раз эта школа международных отношений дает наиболее последовательный, развернутый, доскональный, подчас детальный анализ экономических отношений с позиции выяснения классовых противоречий в национальном или интернациональном масштабе. Мы говорим об интернациональном масштабе, соответственно, в международных отношениях здесь анализ материально-экономической стороны дела (как организовано производство) стоит во главе угла неомарксистского и марксистского анализа международных отношений.

Вот три взгляда на экономику: меркантилистский, либеральный и марксистский.

Переходим к постпозитивистским парадигмам, для которых существует общая модель, состоящая в том, что экономики нет. Постпозитивисты считают, что экономика – это не что иное, как фигура речи, и сфера экономической доминации власти производства есть не что иное, как продление человеческого сознания. Что человеческое сознание само экономично и технично, оно производит всегда нечто, оно производит образ реальности, оно дублирует реальность через язык или через систему репрезентаций. Потому что у человека есть язык и, двигаясь по лесу, он говорит, не просто чувствуя, как ежик или белка, что он в лесу. Он говорит: «Я в лесу». Он называет имена и дает вещам имена, тем самым он их дублирует. Имя вещи – это репрезентация, это мысль о вещи. И вот, утверждая дубликат вещи через концепт (понятие вещи), человек на самом деле уже осуществляет базовую экономическую модель: он нечто производит. То, что он производит, то, что находится между ним самим и живой природой (миром), – это и есть вещь, которую он производит. А экономика есть не что иное, как поле создания репрезентаций. Базовое стремление человека – это воля к власти, воля к доминации. Поэтому человек производит вещь для того, чтобы над ней господствовать.

Он превращает природу в объект господства. Он создает мертвые вещи или как то, над чем он господствует, или как то, с помощью чего он господствует. Таким образом, стремление человека к реализации своих доминаций как субъекта над объектом приводит к созданию отчуждений и реификации мира (превращение живого в вещь). Реификации, то есть превращению в объект, в товар, подвергаются и межчеловеческие отношения. Мы часто слышим такую фразу: «Сколько ты стоишь?» или «Сколько он стоит?» и так далее.

Идея присвоения экономического эквивалента тому или иному живому существу или просто спонтанному явлению мира является выражением воли к доминации. Поэтому экономика в этом контексте есть не что иное, как один из моментов глобальной доминации, как язык, как система репрезентаций и система подавления субъектом объекта. Распределение в языке ролей подлежащего, сказуемого, второстепенного члена предложения, по сути дела, и есть базовая парадигма производственного материального процесса, поскольку человек производит вещь для того, чтобы ею владеть.

Если дальше перейти на другой уровень, капиталист заказывает производство вещей для того, чтобы владеть ими и, как инструментом производства вещей, пролетариатом, то есть теми, кто исполняет его указания: либо инструментом, либо объектом. И в результате все ста-

новится производством объектов и инструментов по отношению к субъекту. В конфликтной версии это порождает класс господ, эксплуататорский класс, который выступает субъектом глобальной доминации, в том числе и экономической. Объектом является отчуждаемая жизнь или пролетариат, тот, кто становится вещью или инструментом: объективируемый элемент мира (бытия), который оказывается заточенным в эту сферу товара, который подвергается реификации (превращению в товар). Отсюда происходит отчуждение или реификация человеческих отношений, перевод, например, отношений между людьми в договорно-контрактную основу, включая институты семьи, брака, торговлю органами и так далее.

Мы уже переходим к идее того, что суть экономики не в том, чтобы обеспечить благополучие материального производства, а совершенно в другом: в том, чтобы обеспечить неравновесную возможность доминации одного над другим. Таким образом, идея экономики, ее развитие, ее конфликтность заложена в том, что изначально это есть не что иное, как воля к власти. Здесь, конечно, постпозитивизм смыкается с марксизмом, обобщенным, перенесенным на уровень структурализма через Лакана, фрейдизма, поскольку здесь же рассматривается модель базовой доминации, и других философских учений, не обязательно уже марксистского толка.

Когда говорится о помощи третьим странам, о списании долга, о реструктуризации, о заимствованиях у МВФ (Международного Валютного Фонда) или обращении к Всемирному банку, речь идет на самом деле о создании некоторых властных идолов: богатый западный мир, который конституирует себя как глобального гегемона, который давит с помощью своей помощи или с помощью своей колонизации (по-разному) на другие экономические объекты.

Утверждение экономического неравенства, согласно которому существуют развитые и неразвитые страны в экономической сфере, и перевод все в экономику на самом деле есть попытка сокрытия одного: воли к власти, воли к доминации, которая к материальной-то реальности никакого отношения не имеет.

Наоборот, экономика – это не занятие материальной системой предметов. Это превращение в материальность того, что является феноменом. Феноменом, который еще открывается, является, обнаруживается перед человеческим субъектом, но его структура, его природа не определена. Когда нечто становится вещью, товаром, в этот момент оно и становится материальным. Соответственно, превращение бытия в товар, превращение бытия в материальную вещь и является базовой ориентацией экономики как харизматики по Аристотелю. Такая доминация материи.

На самом деле материи нет, считают постпозитивисты. Материя появляется в ходе принуждения субъектом другого к приведению его к статусу объекта. Субъект, реализуя свою стратегию воли к власти, переводит другого, явление, с которым он сталкивается, в статус объекта, тем самым реифицирует его, лишает его самостоятельного бытия, превращает в вещь, в товар или в инструмент.

Соответственно, экономика есть просто поле материализации доминации воли к власти, подчинению, и властного неравенственного дискурса, – считают теоретики международных отношений в постмодернистской постпозитивистской парадигме.

Как это выражается в конкретике? Речь идет о том, что представители критической школы постмодернизма в международных отношениях рассматривают дискурс об экономической отсталости тех или иных государств, об эффективности или неэффективности экономических процедур (по-английски «agency») тех или иных обществ просто как форму колониального расистского подавления. Потому что западные носители гегемонии в глобальном масштабе рассматривают свою собственную экономическую состоятельность, о которой они сами и заявляют, вводя свои собственные критерии как некий пик, и дальше начинают с ним сравнивать все остальные общества, и на основании этого строить иерархию, где экономическая состоятельность, или эффективность, служит важнейшим аргументом.

Когда речь идет о том, что два общества признают единство критериев, считая, например, что такой-то уровень ВВП или такой-то темп развития машиностроения является нормой, тогда можно сказать, что одно справляется с этой задачей, а другое меньше справляется или вообще не справляется. Представим себе, что одно общество считает нормой такой-то уровень промышленного развития, а другое общество считает, что промышленное развитие вообще не является высшей ценностью или мерилom показателя справедливости, или, скажем, совершенства, благополучия. Тогда получается, что одно из этих обществ навязывает другому критерии, которые совершенно чужды ему, и на основании этого критерия, например, находит его неэффективным, недостаточно быстро развивающимся, и начинает:

- либо подтягивать к себе, куда это общество совершенно не хочет;
- либо колонизировать его, всячески третировать как несовершенное.

Представим себе, что есть блондины, есть брюнеты.

Вот, блондины говорят брюнетам: «Вы недостаточны белы, ваши волосы слишком темные».

Брюнеты говорят: «Почему они должны быть белыми?»

Блондины говорят: «Посмотрите, как хорошо быть блондином. Вот блондин – это и есть человек, а брюнет – это просто несовершенный блондин, это почерневший блондин».

Как только начинается такая идея, тогда начинается торговля шампунями, краской для волос. Если блондину удастся убедить брюнета, что нормативом является блондин, а брюнет является вырожденцем, просто плохо покрашенным блондином, в конечном итоге, если он сможет на своем настоять, за норму берется блондин, а брюнет рассматривается в качестве какого-то «недоблондина» или какого-то вырожденца – больной блондин, несовершенный, блондин-инвалид. Из этой картины ясно, насколько глупо такое сопоставление.

Тогда мы переходим на уровень экономического дискурса, когда надо развивающимся странам, например, объяснить, что приватизированный колодец гораздо более эффективен, чем бесплатный. Когда в Сомали были применены меры Валютного Фонда по насильственной реструктуризации экономики, эта страна, которая даже производила триго и маис и экспортировала в Саудовскую Аравию часть скота, просто впала в немедленную нищету, приняв эти нормы. Потому что с точки зрения Запада наличие бесплатной воды было непозволительной роскошью при ее нехватке. Колодцы были насильственным образом приватизированы. Вместо развития слабопроизводительных триго и маиса, которые давали очень небольшую прибыль, были насажены искусственным образом фруктовые деревья, дававшие большую прибыль. Экономика этой страны была мгновенно разрушена, начался каннибализм, люди стали гибнуть от голода.

Тем не менее принципы свободного рынка были наконец-то в этой стране утверждены за счет полного коллапса экономики. Это считается одним из ярчайших преступлений Международного Валютного Фонда, чьи предписания расистским образом: принудительно, тоталитарно – уничтожили экономику целой страны, ввергнув ее в бесконечную нищету, кошмар. Поскольку стоило поставить перед собой другую задачу – о том, что необходимо больше извлекать выгоды из тех или иных природных условий, – разрушилась многовековая модель баланса аграрных скотоводческих обществ, традиционные формы обмена, и эти общества, по сути, были уничтожены. Вот приблизительно так действует эта модель в международных отношениях.

Приезжают экономические эксперты и говорят: «У вас здесь все очень неэффективно. Вам надо сделать то-то». Уезжают – страна рушится. Они говорят: «Мы же сказали вам, что ничего у вас не получится. Давайте мы сами здесь поуправляем немножко, устроим здесь ядерные отходы. Это самое вам и место».

Так же приблизительно происходила перестройка в 90-е годы, когда приехали американские специалисты и стали думать о том, что делать с советской системой. Они нашли ее

неэффективной, уровень ее роста – недостаточным, поэтому ее просто приватизировали. А те отрасли, которые могли составить конкуренцию западным производствам, они просто разорили, устроили там дискотеки и клубы.

Они взяли себя в качестве нормы, объявили, что блондин – это абсолютный человек, а брюнет – это просто дегенерат, и на продаже краски для окрашивания брюнета в блондина сделали колоссальное состояние. Приблизительно по такой же модели развивается теория экономического дискурса. Когда нам говорят, что какие-то общества развивающиеся, какие-то неразвивающиеся, какие-то плохо развивающиеся, это и есть не что иное, как просто формы расизма, – считают специалисты в постпозитивистских моделях международных отношений.

Расизма прямого, когда крупные развитые буржуазные государства захватывают другие, как в случае нападения коалиции на Кадаффи или на Ирак, в результате чего просто были поставлены под контроль нефтяные промыслы в этих странах. Когда необходимо повысить (изменить) баланс в экономике буржуазных стран, тогда она осуществляет прямое вторжение – это реалистская позиция.

Вторая идея. Здесь, кстати, очень важен закон Фридриха фон Листа (немецкий экономист), который, занимаясь в XIX веке развитием Германии, размышляя над тем, как действуют законы Адама Смита относительно того, что открытые общества (фритредерство) дают автоматический эффект подъема экономик, заметил следующую вещь: да, дает, но только той стране, которая более развита.

Если представить себе два государства: одно с развитой экономикой, другое с менее развитой экономикой, – которые открывают между собой границы, то станет ясно, что мерного распределения потенциала между ними не происходит. То, которое вступает в это взаимодействие на лучших позициях (более развитое), становится еще более развитым, а то, которое менее, наоборот – менее развитым. Несмотря на то, что какие-то сектора сегментно могут дать определенный эффект, по большому счету, эта пропорция не сокращается, а возрастает. При этом, конечно, если неразвитая экономика не входит во взаимодействие с развитой экономикой, она тоже отстает, тоже происходит отставание.

Отсюда Лист выдвинул принцип автаркии больших пространств, предложив организовать таможенные союзы (Zollvereine) между теми странами и теми обществами, которые находились в относительно равном экономическом развитии, для того чтобы создать максимальные условия для межстрановой конкуренции. Это он воплотил в жизнь: Бисмарк на основании его теории объединил германские земли. В результате германские территории, которые были абсолютно отсталыми и захудалыми, сделали мощный рывок и в значительной степени вышли на уровень, сопоставимый с Англией. Вот как на практике эта идея свободной торговли была, скажем, опровергнута, а эффективность альтернативной модели с точки зрения теории больших пространств доказана.

Сторонником Фридриха Листа был и Сергей Витте (русский экономист), и Ленин, и Вальтер Ратенау (автор германского экономического чуда). В общем, идеи Листа сейчас лежат в основе, кстати, объединения Европы, с одной стороны, с другой стороны – Евразийского Союза у нас. Поэтому актуальность этой идеи автаркии больших пространств как альтернативы фритредерству тоже имеет и теоретическую, и практическую доказательную историческую базу.

Так вот, с точки зрения тех, кто анализирует экономику в постпозитивистском ключе, мы видим, что идея либерального продвижения одних и тех же фритредерских законов на самом деле приводит не к уравниванию обществ, а, наоборот, к тому, что общество, которое менее развито, оказывается еще менее развитым в сравнении с обществами более развитыми. Экономическая глобализация не приводит к уравниванию шансов и позиций тех, кто в нее вступает, а, наоборот, создает все большие противоречия. Это критика позитивистов в адрес либералов, чей пацифизм они ставят под сомнение, рассматривая это как форму особой модели империализма.

Есть прямой империализм, который часто отстаивают реалисты, и есть косвенный (глобалистский) империализм, который приводит к тем же результатам, но с другой точки зрения – с точки зрения распространения фритредерства и создания транснациональных корпораций, которые не уравнивают шансы различных обществ на экономическое развитие, а создают привилегированные условия для тех, кто является источником или субъектом глобализации, а другие экономики (другие общества) становятся объектами глобализации. Происходит та же самая реификация, та же самая материализация – превращение субъекта в объект, о котором мы уже говорили.

Вот каков контекст различных моделей понимания экономики в этих парадигмах.

Последнее замечание по этому вопросу: в теории многополярного мира экономика рассматривается в модели Фридриха фон Листа: в модели Таможенного союза идея объединения экономической интеграции обществ со сходным уровнем развития экономики рассматривается в качестве доминирующей. Каждая цивилизация, каждый полюс в многополярном мире должен расширяться, должен быть открытым в первую очередь по отношению к тем обществам, которые находятся в сходном экономическом состоянии. А по отношению к более развитым и к менее развитым должны существовать таможенные преграды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.